

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Шестаков А.М. К вопросу о власти старообрядческих поморских наставников на Южном Урале в XIX – начале XX вв // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75553 EDN: QAAZZH
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75553

К вопросу о власти старообрядческих поморских наставников на Южном Урале в XIX – начале XX вв.

Шестаков Александр Михайлович

ORCID: 0000-0002-3361-184X

независимый исследователь

454091, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

✉ katechon74@gmail.com

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75553

EDN:

QAAZZH

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2025

Дата публикации:

26-08-2025

Аннотация: В статье исследуется проблема духовной власти беспоповских наставников в среде старообрядцев Южного Урала в XIX – начале XX вв. В качестве объекта исследования выступают южноуральские старообрядцы поморского согласия. Анализируется динамика отношений поморцев к институту наставничества. Особое внимание уделяется вопросу границ простираемой власти духовного наставника. Исследование феномена духовной власти поморских наставников проводится в рамках направления истории повседневности. Опираясь на гектографические и рукописные сочинения старообрядцев, а также архивно-следственные дела Челябинского, и Российского государственного исторического архивов, в статье исследуются нюансы заключения и расторжения бессвященнословных браков, религиозные рамки табу, виды дисциплинарных наказаний для членов старообрядческих общин как непосредственное

проявления духовной власти наставников. В основе методологического инструментария находится концепция формационно-стадиального подхода, на основе которой, в исследовании выделяются этапы трансформации духовной власти наставников. Кроме того, использовался историко-генетический метод, суть которого в последовательном раскрытии свойств и функций в анализируемой нами предметной области в процессе ее исторического развития. В результате исследования были выделены такие этапы трансформации духовной власти наставников как: 1) этап наставников-престарелых, 2) переходный период, 3) время «престарелого священства». Можно констатировать, что к 1909 году беспоповские духовные лидеры трансформировались в новый, особый вид священства – "нерукоположенных духовных отцов". Эти наставники обладали многими атрибутами и духовной властью сопоставимой с православными священниками. В частности, они "благословляли" браки, "ставили" новых наставников, крестили и исповедовали, налагали епитимьи. Вероятно, эта эволюция института наставничества могла оформиться в нечто большее, но революционное время и советский период остановили это богословское творчество. Между тем, настоящее исследование имеет прикладной характер, поскольку позволяет выстроить историческую преемственность воззрений и практик старообрядцев поморского согласия на Южном Урале.

Ключевые слова:

наставники, старообрядцы, духовная власть, поморцы, беспоповцы, властные отношения, брак, крещение, епитимья, христианство

По мнению религиоведа Мирча Элиаде, для профанного человека сакральный мир представляет собой опасное место, поскольку профанированный, мирской человек в виду своей духовной нечистоты, не готов войти в священный мир [\[1\]](#). Он не может принести жертву Богу, подобно Ветхозаветному Каину, его жертва не будет принята. Имеющий грешные намерения (помыслы) не может причаститься Божественных Тайн, подобно апостолу Иуде (по толкованию святых отцов, когда Иуда причастился в него вошел Сатана). Всякая попытка войти в сакральный мир духовно нечистому человеку (профану) обречена на провал. Отсюда возникает необходимость в посреднике, человеке находящимся между двумя мирами – профанным и сакральным. Посредник, в отличие от профанированного человека, имеет духовно чистый образ жизни и предварительное посвящение. Иными словами, посвященный человек исполняет роль проводника для духовно неразвитых - в мир священного.

Вследствие своего особого статуса, посредник имеет духовную власть – очищения и посвящения профана, а также допуска его в мир сакральных практик. Под термином очищение следует понимать – духовные упражнения, дисциплинарные запреты, акты послушания и покаяния. Посвящение включает в себя различные формы инициации, таинство хиротонии или благословения в священные и церковные степени. В статье анализируется феномен духовной власти старообрядческих наставников поморского согласия на территории Южного Урала, на основе богатого археографического и архивно-следственного материала.

Историография южноуральского старообрядчества широко изучена в общем контексте исследования вопроса. Однако узкие проблемы повседневной жизни старообрядцев, в особенности поморского согласия, остаются малоизученными, в виду отсутствия выявленных источников, затрагивающих этот круг проблем. Наиболее значительный исследовательский вклад в развитие темы старообрядческих наставников внес П. И.

Мангилев.

Историк П. И. Мангилев уделил глубокое внимание изучению проблемы генезиса поморского согласия на Южном Урале, а также истории возникновения общины поморцев в Златоусте и биографии местных настоятелей [2]. К теме изучения биографий духовных наставников поморской общины города Златоуста XIX – XX вв. обращались А. Г. Мосин [3], а также П. О. Половинкин [4]. Отдельного внимания заслуживает работа краеведа А. В. Ульянова, который провел глубокое исследование по изучению родословия династии поморских наставников станицы Петровской Челябинского уезда - Смолиных [5].

По теме духовных наставников обращает на себя внимание работа Н. А. Антипина. В ней впервые была предпринята попытка анализа власти в старообрядческой поморской общине Челябинска в XX веке [6]. В настоящей статье автор, обобщив опыт и результаты предыдущих исследований намерен проанализировать властные отношения внутри старообрядческих общин и сформулировать этапы трансформации духовной власти поморских наставников на Южном Урале.

Кто такой наставник.

Наставники стали появляться в среде старообрядцев вскоре после раскола в Русской православной церкви. Это явление напрямую связано с исчезновением в староверии священников, которые имели бы свое рукоположение до раскола. С другой стороны причиной генезиса наставничества является неготовность части старообрядцев пойти на уступку и начать принимать бегствующих священников из господствующей Церкви, имевших уже хиротонию от епископов, поставленных по реформированным книгам. Между тем как отмечал Зеньковский, старообрядцам симпатизировали многие епископы Православной Церкви – «первым из них, конечно, был епископ Павел Коломенский, замученный при патриархе Никоне» [7, с. 314]. Существовали епископы, которые испытывали симпатии к Старой вере и в послераскольное время. К таковым в частности, относился епископ Тамбовский Игнатий, угодивший в ссылку на Соловки и митрополит Нижегородский Исаия, исключенный с кафедры по доносу царю [Там же]. Несмотря на множество открыто и скрыто симпатизировавших староверию епископов и митрополитов никто из этих епископов не смог образовать отдельную иерархию и рукоположить новых священников для старообрядцев. Безысходная ситуация вынудила непримиримых ревнителей древлеправославия (как называли сами себя староверы) остаться без священства, искать свой путь, и он был найден. Место священника как руководителя общины занял пономарь, получивший в своей среде имя – наставник.

Кем были первые наставники.

В одном из самых ранних известных исторической науке беспоповских соборов, состоявшемся в Великом Новгороде в 1694 году, отчетливо видно, кем были первые старообрядческие наставники – неграмотные, пожилые люди, многие духовные чада, ставили подписи под решением собора вместо своих духовных отцов [8, с. 045]. Это объясняется тем, что с точки зрения первых беспоповцев, у стариков было крещение, Таинство миропомазания, венчанный брак от благодатных, дораскольных священников. То есть, онтологически пожилые, безграмотные люди имели на себе благодати Святого духа, больше, чем те, кто пришел в их общество от никониан, от господствующей Церкви, с их точки зрения, не имевших в себе никакой благодати Божией, от еретического сообщества. Поэтому эти безграмотные старики были в первых рядах

беспоповцев, отправляли Таинства крещения и покаяния и категорически являлись противниками браков, причем как староженцов (семейных пар пришедших в беспоповское общество), так и новоженцов (заклучивших брак уже находясь в беспоповщине).

В 8-м поставлении Новгородского уложения говорится – «жениться пожелают, а девицы замуж пойдут и венчаться станут у еретиков, от русских попов иже служат антихристу, или тако и не венчаны, сойдутся, по любви и по благословению родителей брак утвердят, и приживут между собой дети, а потом похожут бытии прияти на покаяние, или из нас кого духовного отца призывати станут в дома своя, или крестить детей своих и нам, отцы и братия, духовного дела отнюдь не творить, опасаяся лишения сана: на дух таковых не принимать, детей у них не крестить, и роженицам молитвы не давать и с ними ни питии, ни ясти, ни на молитве вкупе стояти, и на службу к себе не пускати, разве только при самой смерти, понеже, ведаючи, таковое самовольное отступление сотворили» [Там же, с. 044-045.].

Таким образом, уже первое поколение беспоповских наставников имели богатый набор возможных дисциплинарных наказаний – не принимать на покаяние, отказывать в крещении детей, не читать молитву от очищения скверны роженицам, запрет совместно вкушать пищу и отказывать в соборной молитве и лишь только при страхе смерти принимать на покаяние.

К первой четверти XVIII века старшее поколение, заставшее при своей жизни дораскольных священников, окончательно уходит, вслед и за последними иереями, поставленными по-старым книгам, дораскольными епископами. На их место приходят старообрядческие иноки и простецы, которые своим образом жизни, обетами нестяжательства и чистого жития в глазах ревнителей древлеправославия казались достойными для отправления Христовых Таинств. В частности, об этом говорится в труде «Поморские ответы» братьев Денисовых.

В ответе Денисовы писали, что «многие святые отцы, не будучи рукоположенными, водительствоваши стадо человеческих душ, пеклись о них, сами спаслись и других спасли, что многие пустыnnики, не будучи священниками, принимали исповедания человеческие, как заповедание церковное законополагает, чтобы умелый инок вместо неумелого священника это совершал, что святые апостолы заветуют исповедовать друг другу свои согрешения, как приемлется это и творениями святых великих отцов, и древним обычаем, и повелением править исповедь старцу» [\[9, с. 266\]](#).

Наставники-простецы

На территории Челябинского уезда и горнозаводской зоны Южного Урала в начале XIX в. центром распространения поморского согласия была Таловская волость, деревня Гагарье и ее округа. В этом месте проживал человек, которого гектографические и рукописные сочинения поморцев называли отцом всего поморского упования в Сибири и на Урале – Стефан (Степан) Кузьмич Тельминов.

В рукописи «Родословие поморской веры в Сибири и на Урале» утверждалось,, что, «Стефан Кузьмич в христианском нашем роде весьма значительная и высокоуважаемая личность по плотскому и духовному порождению, по плотскому же, будучи потомок деда своего страдальца Христова старца Михаела, иже в Кушунской пустыни огнем муческим скончался, значит то что Стефан Кузьмич страдальческого христианского корня, по духовному порождению т. е. водою и духом от благочестиваго старца и отца поморского выгоретцкия лавры жителя Гавриила Семеновича» [\[10, л. 23\]](#).

В деревне Гагарье С. К. Тельминов возвел собственный дом в 1800 году (по другим сведениям 1801 году [\[11, л. 278\]](#)), «состоящий из пяти комнат сеней и чулана, находящихся в одной нераздельной связи. Одна из числа таковых комнат, украшенная иконами, приобретенными им и односектаторами его, назначена была для богомоления» [\[12, л. 4-об. – 5\]](#). Археографические экспедиции Уральского Госуниверситета собрали сведения, из которых следует, что С. К. Тельминов был основателем деревни Гагарье [\[13, с. 157\]](#), а это значит, что молитвенный дом поморцев был первым зданием населенного пункта.

В 1821 году крестьянин деревне Березовой Челябинского уезда Егор Менщиков не допустил священника до крещения своего ребенка, а на следствии сообщил, что запретил крестить ребенка иерею, потому что он является старообрядцем, а у них все духовные требы выполняет «простолюдин». А в завершении Менщиков добавил, что сам он исповедуется у крестьянина деревни Гагарье Стефана Тельминова, который его новорожденного ребенка и крестил.

На следствии крестьянин Стефан Тельминов сообщил, что «он с самого рождения состоит в расколе и по примеру предков исповедует взрослых и крестит младенцев, а сам исповедуется у разных стариков, кои уже померли, ныне же по старости лет требы не исправляет, а рождающихся правнуков крестит. Дети его Платон и Евтихей» [\[14, л. 2\]](#).

В моленной С. К. Тельминова некоторое время служил некто ревностный пожилой мужчина, родом из Польши. Он категорически не принимал на молитву брачных людей. В то время территория Польши была местом компактного проживания безбрачных поморцев и федосеевцев. Факт проживания человека с такими взглядами свидетельствует, что и сам С. К. Тельминов придерживался так называемых бракоборных воззрений и потому принимал у себя близких себе по мировоззрению людей.

В поморской рукописи сообщается, что «у Степана Кузмича в моленной некоторое время управлял и отечествовал [был духовным отцом, наставником прим.] старичек из Польши. Этот поляк браки и брачных совершенно не принимал. Даже и самого Степана Кузмича за чадородие отлучал. Говорит: «Степан Кузмич, тебе не должно быть у налоя, потому что ты детей плодишь. Будь в отлучении, стань под порог. Если тебе быть у налоя, то весма будет соблазнительно» [\[15, с. 348\]](#).

В начале 1840-х г. в возрасте около 90-лет С. К. Тельминов скончался. В его бытность наставники считали себя простецами, то есть мирскими людьми, волею крайней необходимости, в отсутствие законного священника, исполняющими духовные требы – крещение и исповедь, не дерзающими сами благословлять браки. В качестве дисциплинарных наказаний применялось отлучение брачных и чадородных (тех у кого родились дети в семье) от совместной трапезы и моления. Со смертью Тельминова на Южном Урале начались тектонические изменения духовной жизни поморцев – введение брачного чина.

Переходный период

В 1840 году благословление на наставничество в Златоустовскую общину получил Трофим Васильевич Байдосов. Поморские рукописные сочинения сообщали, что в те времена жить старообрядцам было особо тяжело - «молились в подполах, скрывались от никонианских попов страха ради молились по домам. Браки не венчали, ходили к попам венчаться, ибо таков был обычай» [\[16, л. 1\]](#). Осознавая кризисное положение поморской

веры Байдосов начал переписку с московскими поморцами о браке, а затем ввел бессвященнословный брачный чин, но сам так и остался безбрачным.

В Златоустовской рукописи утверждалось, что - «Трофим Вас. списался с московскими староверами о браках, и потом ввел у себя браки, стал венчать в моленной. Трофим Вас. не побоялся что не последует прежде бывшим отцам или порвет связь с поморскими отцами, но он сохранил и то и другое, а браки все же ввел» [Там же, л. 1-об].

В 1850 году локальный опыт узаконения брачного чина Златоустовской общины поморцев закрепили повсеместно на Южном Урале. В деревне Гагарье Челябинского уезда старший сын покойного С. К.. Тельминова – Платон созвал собор, на котором бессвященнословный брачный чин утвердили. Теперь поморские наставники повсеместно стали благословлять браки по специальному чину без участия священника. Однако вместо консолидации и упрощения положения поморцев на Южном Урале произошел раскол и разделение на брачных и безбрачных. Во главе безбрачных поморцев, оставшихся верных положению согласия как при С. К. Тельминове и прежде ему бывших духовных руководителей, стал Евтихий Стефанович Тельминов – младший сын покойного известного наставника.

Из воспоминаний Савелия Яковлевича Мальцева ученика Е. С. Тельминова, можно узнать, что Евтихий Степанович был весьма ревностным, образованным и строгим наставником, не желавшим идти на компромиссы. У него в Гагарье была своя моленная. Он прошел четырехлетнее обучение церковной грамоте, наонному пению и уставу в Даниловском монастыре на Выгу.

«Мне очень понравилось устройство в молельне и особенно пение», - вспоминал Мальцев свою жизнь при моленной Тельминова, – «Меня тянуло в моленную, но часто ходить туда было опасно, так как все наше семейство, кроме дедушки, за женитьбу отца было отлучено. Я стал плакать и просить отца, чтобы он определил меня к молельне учиться уставной службе. Отец похлопотал – и наставник принял нас с матерью и братом к общей молитве чрез шестинедельный пост. После этого Тельминов видя мое усердие и безпрестанное хождение в молельню, принял меня в ученики (тогда мне было тринадцать лет) и я начал учиться хомовому пению. Учение шло успешно и на шестнадцатом году жизни, я уже знал весь ряд церковных служб и нередко правил за головщика» [\[17, с. 9\]](#).

До начала 1870-х г. в селе Сыростан, близ Миасского завода проживал видный духовный наставник Яков Артемьевич (фамилия его неизвестна). Он прославился как особо ревностный сторонник безбрачия, хотя при этом был женат, но всячески делал вид, что супруга ему не жена, а сожительница. Для большей убедительности, он заставлял ее носить по-девичьи одну косу на голове, а та покорно его слушалась.

«Браки никакия в полном и строгом смысле за законныя не признавал, за чадородие всегда мужа и жену как блудников отлучал, детей прихожан великороссийской Церкви всегда «змеятами» называл» [\[15, с. 352\]](#), - вспоминали близко знавшие Якова Артемьевича.

Своим духовным чадам он запрещал жениться, под страхом отлучения от Церкви. В одной поморской рукописи утверждалось, что «когда в Златоусте браки соборне признаны законными, и брачных сообщили вместе в молитвословии, ядении и питии со стариками и прочими, тогда за это с зелнейшим порывом и порицанием Яков Артемьевич на Тр(офима) В(асильевича) и прочих златоустовских хр(и)стиан вооружился, везде

хулил и укорял златоустовцов, что оне-де Церковь Б(о)жию сделали блудницей, напринимали вместе молиться скверных блудников, так он называл молодых женатых людей. Все оне теперь отлученные, а с отлученными недолжно молится вместе ни в дому, ни в церкви. Если миаские или сыростанские христиане в Златоусте вместе помолются, то он всех тех отлучал» [Там же, с. 352-353].

29 июня 1875 г. урядник и наставник поморской общины станицы Петровской Челябинского уезда Иван Михайлович Смолин стал один из инициаторов собора в деревне Озерки, Кипельской волости, Челябинского уезда, Оренбургской губернии. Его имя фигурирует первым в списке духовных отцов собора. Собрание постановило крестить всех безбрачных, и не сообщаться с ними, ни в еде, ни в молитве.

В постановлении собора говорилось: «От сего времени будут от бракоборцев приходить к Церкви да крестятся. Если искусни на предстательство могут быть, а в обдержной власти нет. Мы не можем их убедить ствятым Писанием и останутся в своем упорстве. То стацами сообщения ни в чем не иметь. Кая часть свету ко тме В мимо прошедших годах, от феоdosиян и филипан брано иконное во ображение и телоносные кресты оставить в судьбах Божиих. А от сего времени не икон, не крестов от них не брать. А в замужество от них брать аще же обещаются принять баню крещения, а к ним дочерей своих не выдавать сифовы дщери с каиновыми да не смешаются» [\[18, л. 78-об\]](#).

На смену себе в настоятели в Златоустовской общины поморцев духовный отец Т. В. Байдосов благословил в 1882 г. двоеженца Василия Емельяновича Пильнова. По прежним понятиям, такая ситуация была в принципе невозможна. Достаточно вспомнить, что до 1850 года на Южном Урале брачных не допускали на молитву вообще, тем более в этом статусе нельзя было стать наставником. Как об этом говорится в одной из поморских рукописей – «хотя Василий Ем. и был двоеженец, но Трофим Вас. допустил это за хорошую и достойную жизнь» [\[16, л. 1-об\]](#). Самим фактом поставления в наставники Пильнова, Байдосов продемонстрировал свое отношение к институту наставников – как простецов, а не нового вида священства. Поскольку, канонические правила запрещают двоеженцам поставляться в священные степени.

На рубеже 1899-1900 гг. в Юрюзанском заводе Златоустовского уезда, Уфимской губернии в местной поморской общине настоятельствовал 60-летний наставник Лазарь Павлович Борисов. По воспоминаниям очевидцев, паства мало уважала его, за то, что «он пасомых своих не учил, а только укорял». Обвинял Борисов своих духовных чад, в том, что мало платили ему жалование как наставнику. При этом знавшие ситуацию внутри общины утверждали, что в месяц наставник поучал 5 рублей, за требы – крещение, покаяние – не менее 50 копеек, а иногда и до 5 рублей за совершение Таинства.

«При крещении полотенце, на которое принимают младенца, обязательно берет себе», - делился своими наблюдениями бывший поморец Мина Воробьев. – «А на свадьбах, сверх денежной ряды, берет платок, шаль или ковер, на котором должны стоять жених и невеста» [\[19, с. 11-12\]](#).

По сведениям Воробьева, наставник Борисов расхищал чужую паству. Совершал поездки в Уфу, где был свой наставник, и служил требы у местных купцов. Из-за этого уфимский наставник и игуменья женского поморского монастыря на горе Зигальга составили жалобу настоятелю златоустовской общины Филиппу Венедиктовичу Мурдасову, чтобы тот нашел на Борисова управу.

Узнав о жалобе, Борисов сам поехать к Мурдасову, чтобы обсудить с ним лично конфликт, а заодно взял и Мину Воробьева, как человека иногороднего. Там с глазу на глаз, Борисов и Мурдасов решили запретить в служении уфимского настоятеля и обернуть дело в пользу отца Лазаря Павловича.

Кроме прочего, Лазарь Павлович окормлял женский поморский монастырь на горе Зигальга. На рубеже XIX-начала XX века в роли игуменьи там служила 70-летняя матушка Серафима Тимофеевна. Посещал монастырь он, как бы парадоксально не показалось, ради благословления там браков.

«Нам прежде тоже не дозволено было разрешать им выходить замуж», - приводит слова отца Лазаря Павловича Воробьев. – «Из них и впали некоторые в распутство, а другие убежали за мирских, да и обвенчались, вот поэтому и разрешили им выходить замуж, а числятся они под моим приходом, потому я и езжу к ним» [Там же, с. 13].

Переходный период заканчивается 1909 г., когда в Москве созывается Первый Всероссийский собор поморцев, на котором будут сформулированы важнейшие представления о роли и природе наставника в общинах староверов-поморцев. Как можно заметить, переходный период включал в себя проявления двух антагонистичных тенденций – представления о наставнике как простеце, не дерзающем совершать священнические действия, полного религиозного фанатизма и бытовых запретов и в противоположность этому – наставник как нерукоположенный священник – венчающий браки, берущего за требы деньги, плетущего интриги и расхищающего чужую паству.

«Простецкое священство».

На Первом Всероссийском соборе впервые концептуально осмыслялась природа наставников и определилось место беспоповского духовного отца в жизни поморской Церкви. С докладом на соборе выступил наставник Терентий Акимович Худошин. С точки зрения его богословских изысканий, прообраз беспоповского настоятеля был найден в Ветхом завете, во времена египетского пленения еврейского народа.

Худошин писал, что «о старцах как духовных начальниках народа говорится неоднократно в Библии. Старцы людские, т. е. старейшины, являются законными представителями народа еще со времен египетского рабства. На них во времена Моисеева сошел Дух Святой для того чтобы они могли облегчить бремя народного управления, они же в последующей истории Израиля упоминаются многократно, как сохранившие за собою то самое значение, которое принадлежало им в Египте» [\[20, с. 74\]](#).

Наставник, по представлению Худошина, имеет благодать Святого Духа как и священник, а следовательно и аналогичную силу власти – «вязать и разрешать». В обоснование он привел в качестве примера день Святой Пятидесятницы, где по свидетельству книги Деяний святых Апостолов, и толкования святого Иоанна Златоуста, Дух Святой сошел не только на апостолов, но и на всех верующих христиан [Там же, с. 75].

Вторым аргументом Худошин использовал эпизод из книги Деяний святых Апостолов, где апостол от семидесяти Филипп, не имея священнической хиротонии, возлагал на крестившихся самарян руки, совместно с апостолами Петром и Иоанном, а значит, имел равную им благодать Святого Духа [Там же, с. 76].

Защищая бессвященное состояние поморской Церкви, Худошин утверждал, что ранняя Церковь не знала чинов епископа, священника и диакона, а лишь только чин апостолов. В доказательство этому тезису, он приводит слова Иоанна Златоуста, который допускал

такую возможность, как гипотезу. Уже из этого допущения Худошин пошел дальше и сформулировал вывод, что в день создания Церкви в день Пятидесятницы, на собрании верующих христиан были исключительно миряне, какими являются нынешние беспоповцы-поморцы.

Следующей идеей в докладе Т. А. Худошина было желание доказать, что не только священники, но и простецы, могут принимать исповедь. Ему это было необходимо сделать, чтобы в очередной раз подтвердить наличие у наставников духовной власти равносильной священству. Для этого Худошин привлек в качестве доказательства выписки и изречения святых отцов и книгу Пролог, где содержатся жития святых. Однако, все приведенные выписки, были явными свидетельствами исключительных случаев, выходящих из ряда общеупотребительной церковной практики. То есть, докладчик, а вместе с ним - вся поморская Церковь тех лет, возвела форс-мажорный опыт в повседневную практику. И все это было сделано лишь для того, чтобы создать новый, особый вид священства, по выражению старообрядца поповского направления Ф. Е. Мельникова (Шалаева) – «престецкое священство» [\[21\]](#).

«Итак, братие, наших отцов духовных нельзя считать простецами, но должно ставить выше их», - писал Худошин. – «Они, наши духовные руководители, пекущиеся о душах наших, стоят выше нас и достойны всякой части и почитания» [\[20, с.79\]](#).

Второй Всероссийский собор поморцев проходивший в 1912 году закрепил представления Т. А. Худошина о наставниках. В постановлении собора говориться, что «наставники, или духовные отцы и руководители, стоящие во главе христианских приходов, должны почитаться, как неимеющие священнослужительской степени, нерукоположенными пастырями Церкви», - утверждал Собор поморцев. – «Духовные права и обязанности наставников определяются священным Писанием, до нерукоположенных пастырей относящимся, и обычаем, оставленным Церкви блаженной памяти предками нашими. Избрание народное и благословение отца духовного на служение Церкви возводит наставника на почетное и первенствующее место в приходе» [\[22, с. 23-24\]](#).

Выводы.

Наставники появились как вынужденное явление и следствие церковного раскола в Русской православной Церкви XVII в. Под давлением обстоятельств и трансформации взглядов самих поморцев, содержание феномена наставничества менялось и постепенно развивалось. Все началось со стариков, которых избирали в наставники из-за факта наличия у них дораскольного крещения, миропомазания и венчания. Со временем в этой роли появился безбрачный мирянин, а уже во второй половине XIX в. место наставника занял брачный и даже второбрачный мужчина, а вначале XX в. идеологическое обоснование получил «нерукоположенный пастырь» не чем не уступающий священнику.

Почему происходили эти трансформации. Думается, что ответ на этот вопрос связан с изменениями в обществе в целом. В самые суровые, гонительные времена религиозный фанатизм, крепость веры усиливались и требования, предъявляемые к руководителю по сути, подпольной религиозной организации только умножались. И, наоборот, во время либерализации законодательства в отношении старообрядческого вопроса, нравы в староверских общинах упрощались. Появление браков на Южном Урале и брачных наставников, а тем более, второбрачных приходится на период правления Александра II. И в особенности, коренное изменение взглядов на природу наставников поморцев это последствия публикации Манифеста о веротерпимости 1905 года императора Николая II.

Вероятно, развитие мысли и представлений о наставниках как о нерукоположенных иереях получило бы большее развитие и концептуализацию, а возможно вылилось бы в нечто похожее на протестантских пасторов с возможностью совершения ими видимой евхаристии в форме воспоминания о жертве Христа. Однако, Первая мировая война и последующая гражданская отбросили поморцев от дальнейшего осмысления явления наставничества в жизни Поморского согласия.

На протяжении всего первого периода, когда наставники имели больше власти над своей паствой, тотально управляя личностью, в частности в вопросах брачной жизни и вопроса фертильности. Несмотря на то, что духовные отцы не благословляли браки, номинально тем самым имели меньше функций, но им удавалось шире распространять свою власть над пасомыми, связывая их епитимьями (духовными наказаниями), запрещая им жениться и размножаться.

Второй период включал в себя с одной стороны, отголоски безбрачного времени, а и с другой, расширение полномочий наставников – благословление браков. Большая часть поморских общин Южного Урала приняла брачный чин, а значит, наставники утратили в этих коллективах прежний властный контроль над личностью духовных чад. Они больше не могли насильственно подвергать их разводу (если брак был законным не с родственником) и социальному ostracism. Однако, долгое время сохранялась общины поморцев, где безбрачный уклад продолжал сохраняться.

После 1909 года идеологически на уровне Всероссийских соборов было закреплено универсальное представление о наставниках и их правах как «нерукоположенных пастырях», имеющих все атрибуты нового священства, а значит и права и обязанности – жалование, законные церковные требы и уважение в религиозном сообществе.

Библиография

1. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Издательство МГУ, 1994. – 144 с.
2. Мангилев П. И. Родословие поморской веры на Урале и в Сибири (Исследование. Текст. Комментарии) // Проблемы истории России. 2005. Вып. 6: От средневековья к современности. С. 328–413.
3. Мосин А. Г. Златоустовские старцы // Урал. 1993. № 3. С. 197-204.
4. Половинкин П. О староверах Южного Урала // Старообрядец. 2001. № 22. С. 10-13.
5. Ульянов А. В. Неукротимый старец. Отставной урядник Иван Михайлович Смолин-духовный лидер челябинских старообрядцев-поморцев // Генеалогия и архивы: материалы седьмой Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 кн. Кн. 2. Челябинск, 2025. С. 106-113. EDN: NBATUP.
6. Антипин Н. А., Шестаков А. М. Бессвященная власть в старообрядческой поморской общине Челябинска // Вестник ЮУрГУ. Серия "Социально-гуманитарные науки". 2023. Т. 23. С. 6-13. DOI: 10.14529/ssh230101. EDN: GKIUFY.
7. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. В двух томах. М.: Квадрига, 2009. – 688 с.
8. Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исслед. из нач. истории раскола по вновь открытым памятникам, изд. и рукопис. Санкт-Петербург: т-во "Печатня С.П. Яковлева", 1898. – 504 с.
9. Денисов, Андрей (Вторушин Андрей Дионисиевич). Поморские ответы. Калуга: Фридгельм, 2022. – 320 с.
10. ЛАИ УРФУ. V Курганское собр. 96 Р/1209.
11. ОГАЧО. Ф.121. Оп. 1. Д. 11.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. 1840. Д. 441.

13. Мангилев П. И. Род зауральских старообрядцев-поморцев Тельминовых // Культура российской провинции: Памяти Марины Георгиевны Казанцевой. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2005. С. 152-165.
14. РГИА. Ф. 1284. Оп. 203. Д. 552.
15. Мангилев П. И. "Вопросы Озерскому Собору" как источник по истории полемики о браке у старообрядцев-поморцев Южного Урала и Зауралья // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7. С. 334-374.
16. ЛАИ УРФУ. II Горнозаводское собр. 27р/844.
17. Мальцев С. Я. Из воспоминаний бывшего раскольниковского наставника // Томские Епархиальные Ведомости. 1898. № 4. С. 8-17.
18. ЛАИ УРФУ. V Курганское собр. 204р/4052.
19. Воробьев Мина. Из записок бывшего старообрядца Мины Воробьева // Томския Епархиальная ведомости. Томск, 1900. № 24. С. 11-14.
20. Худошин Т. А. О настоятелях и наставниках // Деяния Первого Всероссийского собора христиан-поморцев, приемлющих брак, происходившего в царствующем граде Москве в лето от сотворения мира 7417, мая в дни с 1 по 12. Первый Всерос. собор христиан-поморцев, приемлющих брак. Москва, 1909. С. 74-79.
21. Шалаев. Простецкое священство // Церковь. 1912. № 8. С. 188-191.
22. Деяния Второго Всероссийского Собора христианского поморского церковного общества в царствующем граде Москве в лето от сотворения мира 7421, месяца сентября в дни с 8 по 17. Второй Всерос. собор христиан-поморцев, приемлющих брак. Москва, 1912. – Москва: Совет соборов и съездов христиан-поморцев, приемлющих брак, 1912. – 278 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является феномен духовной власти наставников в старообрядческих общинах поморского согласия на Южном Урале в указанный хронологический период. Автор фокусируется на анализе трансформации природы, функций и легитимации власти этих духовных лидеров, что представляет собой узкоспециализированный и важный аспект в рамках изучения русского старообрядчества.

В основе работы лежит историко-антропологический подход, сочетающийся с элементами социальной истории и исторической феноменологии религии. Автор успешно применяет метод критического анализа архивных и археографических источников, что позволяет реконструировать практики и эволюцию института наставничества. Теоретической рамкой служит концепция сакрального и профанного Мирча Элиаде, которая, однако, могла бы быть более глубоко интегрирована в эмпирический материал на протяжении всего текста, а не только во введении.

Тема статьи находится в русле современных тенденций исторической науки, ориентированных на изучение микроистории, повседневности и неинституциональных форм религиозности. Исследование локальных особенностей старообрядчества, особенно на периферии Российской империи, представляет значительный интерес для преодоления «московоцентричности» в изучении раскола. Работа вносит вклад в понимание механизмов адаптации религиозных сообществ к меняющимся социально-политическим условиям.

Научная новизна заключается в первую очередь в привлечении и введении в научный

оборот нового комплекса архивных материалов из фондов РГИА, ОГАЧО и рукописных собраний ЛАИ УрФУ. Автору удается на конкретных примерах (деятельность С.К. Тельминова, Т.В. Байдосова, Е.С. Тельминова, Л.П. Борисова) проследить ключевые этапы эволюции института наставничества – от «простецов» до «нерукоположенных пастырей». Новым является и акцент на региональной специфике Южного Урала, где процессы внутри поморского согласия имели свои особенности.

Стиль статьи в целом соответствует научным стандартам, однако наблюдается некоторая неравномерность: теоретическое введение выдержано в сложном, концептуальном ключе, в то время как основная часть временами носит более описательный, нарративный характер. Структура статьи логична и последовательна: от общих теоретических предпосылок и историографии к конкретным примерам и итоговому анализу.

Список литературы релевантен и отражает ключевые работы по теме, включая как классические труды (С.А. Зеньковский, П.С. Смирнов), так и современные исследования региональных ученых (П.И. Мангилев, Н.А. Антипин). Присутствуют ссылки на широкий круг опубликованных и архивных источников, что является безусловным достоинством. Небольшим недостатком можно считать отсутствие в библиографии некоторых новейших работ по антропологии власти в религиозных сообществах, которые могли бы усилить теоретическую составляющую.

Автор корректно апеллирует к предшественникам, чьи работы составили основу историографии вопроса (Мангилев, Мосин, Половинкин). Критический пересмотр их выводов или углубление предложенных ими трактовок происходит не через прямую полемику, а через привлечение нового фактологического материала, что является вполне допустимым и продуктивным методом научной дискуссии.

Привлечение большого массива неопубликованных архивных и археографических материалов, что обеспечивает высокую степень достоверности и новизны исследования. Удачная попытка через биографии конкретных наставников показать макропроцессы, происходившие внутри всего поморского согласия, что делает работу репрезентативной и наглядной. Автор не просто описывает явление, но и выявляет этапы его трансформации (период «простецов», переходный период, формирование «простецкого священства»), увязывая их с внешнеполитическими факторами.

Из замечаний, стоит обратить внимание, что заявленная в начале теоретическая рамка (Элиаде) далее в тексте используется фрагментарно, не хватает сквозного анализа того, как именно концепция посредника между сакральным и профанным мирами работает в каждом из рассматриваемых кейсов. В некоторых разделах автор идет за источником, описывая события, но не всегда предлагает их глубокую интерпретацию. Например, факт назначения двоеженца наставником (В.Е. Пильнов) заслуживает более развернутого анализа с точки зрения кризиса традиционных норм и пересмотра понятия «благодати».

Ключевой вывод о том, что эволюция института наставничества от маргинального статуса «простецов» к статусу «нерукоположенных пастырей» была обусловлена как внешними факторами (либерализация государственной политики), так и внутренней логикой развития общин, представляется вполне обоснованным и убедительным. Вывод подкреплен приведенными примерами и соответствует поставленным исследовательским задачам.

Статья будет востребована специалистами по истории старообрядчества, религиоведами, историками России XIX – начала XX вв., а также антропологами, изучающими феномен религиозного лидерства.

На основании вышеизложенного считаю, что представленная статья «К вопросу о власти старообрядческих поморских наставников на Южном Урале в XIX – начале XX вв.»

соответствует научным критериям и тематической направленности журнала «Genesis: исторические исследования». Работа обладает научной ценностью благодаря введению в оборот новых источников и детальной реконструкции малоизученного аспекта религиозной жизни Южного Урала, рекомендую опубликовать.